

Ребёнок сильно испугался её внезапного движения, глаза округлились от страха. Однако Фу Яньцин ясно видела, что через мгновение она тихо выдохнула, её тёплое дыхание коснулось руки Фу Яньцин, а тёмные глаза в лунном свете стали спокойными. Она не кричала и не вырывалась, просто смотрела на Фу Яньцин.

Её взгляд был настолько чистым, что даже в темноте нельзя было скрыть его сияние, словно звёзды упали в них.

Фу Яньцин почувствовала странное движение в сердце. Разве такой взгляд возможен во дворце? Они смотрели друг на друга несколько мгновений, затем Фу Яньцин сжала губы и тихо сказала:

— Уже поздно. Зачем ты сюда прокралась?

Сказав это, она отпустила её руку и с трудом села. Голова всё ещё кружилась, и она устало потерла лоб.

Ребёнок, увидев это, тоже сел. Она колебалась, затем протянула руку и прикоснулась ко лбу Фу Яньцин, тихо сказав:

— У тебя жар.

— Ничего страшного, — Фу Яньцин отрицательно покачала головой, убрала её маленькую холодную руку и попыталась встать, чтобы налить воды.

Ребёнок, видя её действия и слыша хриплый голос, тут же понял и поддержала её:

— Я сделаю это.

Маленькая фигурка быстро засемила к столу, налила стакан воды и протянула его Фу Яньцин:

— Вода холодная. Выпей немного, а я попрошу служанок принести горячей воды, тебе станет лучше.

Фу Яньцин взглянула на неё, выпила воду и сказала:

— Не надо. Вряд ли я сейчас смогу их подзвать.

Ребёнок нахмурилась, глядя на Фу Яньцин, в её глазах появилось сожаление:

— Прости, из-за меня ты заболела.

— Это не твоя вина. В такое время не следует бегать. Возвращайся.

Ребёнок почувствовала холодность Фу Яньцин, но это её не смутило. Ведь она вытащила её из озера Тайе, и тогда её мягкая успокоительная речь и забота были отнюдь не притворными. Для неё, которая никогда не получала внимания, сегодняшние объятия этой такой же хрупкой девочки стали утешением, которое она не могла выразить словами. Это было то, чего она не испытывала с тех пор, как ушла тётушка Му.

Она снова подошла к столу, взяла маленький свёрток и принёс его. Внутри было несколько кусочков пирожных. В лунном свете можно было различить лишь их очертания. Один кусок был целым, остальные раскрошились, видимо, по дороге.

Ребёнок посмотрела на пирожные, её личико покраснело, но в темноте можно было сделать вид, что ничего не случилось. Однако голос дрожал:

— Это пирожные, которые пова готовили специально для драгоценной наложницы. Они очень вкусные.

Заметив, что Фу Яньцин смотрит на раскрошившиеся пирожные, она заволновалась:

— Это я случайно раздавила. Их не ели, они чистые. Ты заболела, наверное, плохо поела за ужином. Когда я болею, во рту всегда горько. У тебя, наверное, тоже. Эти пирожные сладкие, хочешь попробовать?

Сейчас Фу Яньцин была всего на полголовы выше ребёнка. Двое детей — одна тревожная, другая бесстрастная — выглядели немного странно. Однако спустя мгновение Фу Яньцин всё же отреагировала. Она взяла кусочек пирожного и положила в рот. Вкус был нежным и сладким, даже в её состоянии это не казалось приторным. Снаружи хрустящая корочка, внутри — два вкуса. Фу Яньцин знала это пирожное — в прошлой жизни она любила пирожное «Уточки-неразлучницы».

Медленно проглотив пирожное, Фу Яньцин подняла глаза на ребёнка, смотревшего на неё с надеждой. В сердце внезапно вспыхнула горечь. Когда-то эти маленькие пирожные, появлявшиеся у её окна, стали её единственным утешением в этом холодном дворце. И тот, кто их приносил, стал её величайшим утешением, но из-за стечения обстоятельств...

— Вкусно? — ребёнок, заметив изменение в её выражении, осторожно спросила.

Фу Яньцин сжала руку в рукаве. Она вдруг почувствовала злость. Эта, казалось бы, величайшая доброта стала невольной причиной её падения в бездну.

— Я не люблю сладкое, да и сейчас оно мне не в радость, — Фу Яньцин глубоко вздохнула. — Иди. Я спасла тебя по импульсу. Возможно, в другой раз я бы не рискнула. Тебе не нужно меня благодарить, и не говори об этом больше. Я приняла твой подарок, теперь мы в расчёте.

Ребёнок замерла. Она опустила глаза на оставшиеся пирожные, в её больших глазах читалось разочарование, они даже покраснели. Спустя некоторое время она прикусила губу, завернула пирожные и направилась к окну. Стоя у окна, она упрямо произнесла:

— Ты сказала, что в следующий раз не спасёшь меня, но того раза хватило.

Фу Яньцин, услышав это, сначала нахмурилась, но затем до неё донеслась обиженная фраза ребёнка перед уходом:

— Пирожные, конечно, вкусные, но жизнь Ань-эр стоит дороже, чем четыре кусочка пирожных и три фрукта.

Эти детские слова заставили Фу Яньцин, погружённую в мрачные мысли, едва не рассмеяться, но затем её взгляд стал глубоким. Ань-эр? Это имя ребёнка?

Судя по возрасту, ребёнку было около шести-семи лет, примерно столько же, сколько Чжао Моцзянь. Черты лица были похожи на Чжао Моцзянь, и она называла наложницу матерью, значит, она тоже была принцессой. Чжао Моцзянь была седьмой дочерью нынешнего императора, так что подходящими по возрасту были восьмая и девятая принцессы. Однако ни одна из них, кого так игнорировали, не носила имени с иероглифом «Ань». Может быть, это

детское имя? Ночью она смогла выбраться одна, и наложница Сяо Шу приняла её за Чжао Моцзянь...

Фу Яньцин, преодолевая недомогание, тщательно обдумывала. У нынешнего императора было много детей, но большинство из них умерло в младенчестве. Сейчас остались лишь старший принц Чжао Яньчэн, второй принц Чжао Циншу, седьмая принцесса Чжао Моцзянь, восьмая принцесса Чжао Ханьци и девятая принцесса Чжао Цзыянь.

Девятая принцесса Чжао Цзыянь всегда вела затворнический образ жизни, ходили слухи, что она немилостива и слаба здоровьем, и в прошлой жизни Фу Яньцин впервые увидела её, когда той уже было четырнадцать лет. Восьмая принцесса Чжао Ханьци сейчас была всего восемь лет. Её мать была низкого происхождения, и её тоже не замечали. Помнится, она утонула в десятилетнем возрасте. Десятый принц был ещё младенцем, так что это не могла быть она. Остались только Чжао Цзыянь и Чжао Ханьци.

Фу Яньцин склонялась к тому, что это Чжао Ханьци, потому что в прошлой жизни ей доводилось иметь дело с Чжао Цзыянь. Эта девятая принцесса тогда доставляла Чжао Моцзянь немало хлопот, её хитрость и стратегия были не на шутку. Неужели такой человек без поддержки матери могла вырасти в этом пожирающем людей дворце? Едва ли. Такая невинность больше подходила той, кто умер рано. Однако, придя к этому выводу, Фу Яньцин почувствовала тяжесть на душе. Хотя она и злилась на неё, в глубине души, отбросив всё это, она не хотела, чтобы этот маленький ребёнок погиб во дворце. Она горько усмехнулась. Сейчас она сама была в беде, что она могла сделать?

После долгого дня, как бы она ни была сильна духом, Фу Яньцин сейчас была всего лишь больным ребёнком, и её тело больше не могло выдерживать. С этими мыслями она в конце концов уснула.

Во сне она снова оказалась в ловушке кошмара, из которого не могла вырваться, снова и снова переживая отчаяние и сожаление, пока перед самой смертью её не обнял кто-то, чьего лица она не видела, и в её глазах мелькнул фиолетовый нефрит. Она резко проснулась.

Открыв глаза, она увидела, что уже совсем рассвело. Мягкий солнечный свет проникал сквозь тонкую занавеску, озаряя всё вокруг и создавая тихую и спокойную атмосферу. Однако настроение Фу Яньцин ещё не успокоилось. Голова всё ещё кружилась, тело было слабым, но она не хотела обращать на это внимание. Она встала и шатаясь подошла к туалетному столику. Глядя на своё отражение в зеркале, она замерла. Её лицо, хоть и детское, выглядело уставшим, волосы растрёпаны, и она казалась немного жалкой.

Она провела рукой по отражению в зеркале. Это лицо принадлежало девятилетней принцессе Чаннин, но глаза, полные холодного одиночества, были глазами двадцатидвухлетней Фу Яньцин. Она сжала губы, и на её лице появилась холодная улыбка:

— С этого дня ты — девятилетняя Чаннин. Отныне ты больше не служишь Великой Ся, не служишь императорской семье. Всё, что ты сделаешь, будет ради спасения Резиденции юго-западного князя, даже если... тебе снова придётся спуститься в ад.